

пали всегда «под религиозной оболочкой»,²⁷ опираясь на элементы идеологии раннего христианства, частично сохранившиеся в книгах Нового Завета. Эти движения звали установить «общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти» (Ф. Энгельс).²⁸ И в Измарагде можно найти — правда, редкие — отголоски этих элементов идеологии раннего христианства. «Слово святого Иоанна Златоустаго. Слово избранно» напоминает читателю о равенстве всех людей: «Всякий бо человек — образ божий. Все бо от единого Адама родихомся» (Измарагд, ч. 2, л. 5 об.). Так и в «Слове како имети челядь» рекомендуется: «Не беществуйте их (слуг), яко того же естества ти суть».²⁹ Можно найти в Измарагде изредка суровое обличение властей. В «Слове святого Василия о суете жития света сего» читаем: «... сущии во власти возносятся, ротятся, промеж себя бьются, нещастием грабят, насилем мучат, лжа превозносятся» (Измарагд, ч. 1, л. 99 об.).

Частые выпады Измарагда против «немилостивых богатых» Н. П. Попов связывает с оппозиционным демократизмом средневекового общества. Но перечисленные отдельные черты демократизма в Измарагде (мысль о происхождении всех людей от одного Адама, критика властей и богатых «немилостивых») — это отражение еще идей библейских пророков и ранней христианской литературы. Он вырос в обстановке классового общества и не заключает в себе ничего, отрицающего закономерность сложившихся в этом обществе социальных отношений. Не возражал против законности неравного распределения богатства, Измарагд вслед за всей предшествующей ему религиозно-дидактической литературой лишь учит богатых не злоупотреблять своей экономической силой, быть щедрыми, милостивыми к бедным, не обременять непосильным трудом слуг. Его умеренный гуманизм покоится на «страхе божием» и на внимании к своим хозяйственным выгодам. С другой стороны, постоянными напоминаниями бедным о необходимости терпеливо переносить все лишения и страдания здесь, на земле, чтобы заслужить «жизнь вечную», Измарагд противоречит настроениям русских вольнодумцев XIV в.: они побуждали к протесту, а не к терпеливому признанию полезности страданий.

Читая Измарагд, вольнодумцы, в том числе и стригольники, могли в отдельных его высказываниях найти подтверждение справедливости своего недовольства некоторыми сторонами общественной жизни в целом и церковной жизни в частности. Однако никакой попытки «переделать традиционный церковный устав», как утверждает Н. П. Попов (Н. П. Попов, стр. 44), в этом сборнике не содержится. Современники стригольников знали, конечно, их «писания». И будь Измарагд в числе последних, не завоевал бы он такого авторитета, каким пользовался, судя по числу сохранившихся списков, в течение ряда веков — в наиболее консервативной старообрядческой среде до начала XX в.

Осуждение лицемерия во всех его проявлениях и насилий, творимых «богатыми» и «властями», признание равенства всех людей, требование деятельной любви к ближним и смелого обличения всяческой «неправды», уважительного отношения к старшим, заботы о родителях и «немощих», нуждающихся в помощи, требование верности «роте» — клятве, сдержанности в словах и поступках — весь этот кодекс морали

²⁷ Там же, т. 22, стр. 468.

²⁸ Там же, т. 7, стр. 371.

²⁹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV, стр. 19, прим. 1.